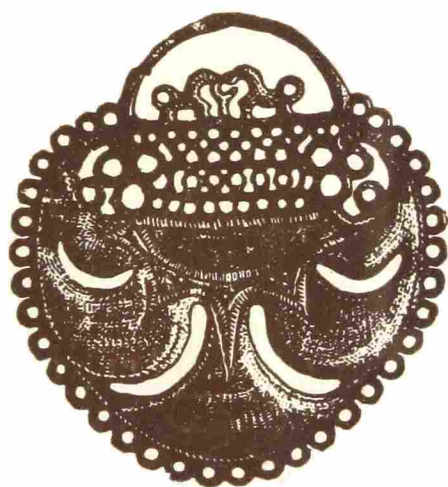

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3
1977

образом, по наземным сооружениям, по способу захоронения без могильных ям, на древнем горизонте раскопанные нами курганы могут быть поставлены в ряд скифских или даже раннескифских памятников.

Перекрытия из больших каменных плит в виде ложных сводов известны и на могильнике Аймырлыг (долина р. Чаа-Холь, группа «каменных склепов»), где ложные своды возведены над углубленными погребальными камерами. Сопровождающий инвентарь однотипен с характерным для срубов и каменных ящиков⁸. Подобная конструкция известна еще на одном могильнике Центральной Тувы — Аргалыкты I, кург. 17. Автор раскопок датирует этот склеп переходным этапом от скифского к гунно-сарматскому времени⁹.

Традиция возводить ложные каменные своды, как нам кажется, связана именно с курганом Аржан, с традициями населения Турано-Уюкской котловины, тем более что истоки речки Хадыннх находятся в том же районе, что и р. Уюк, и, несомненно, хадыннхцы не проделывали длительный путь вверх по Енисею и далее через перевал в Уюкскую котловину, а были связаны более короткими путями по кочевым тропам вдоль речки Хадыннх и р. Уюк. Возможно, среди принесших дань уюкскому «царю» были и создатели курганов на могильнике Хадыннх II.

⁸ А. М. Мандельштам. Раскопки на могильнике Аймырлыг. АО — 1974. М., 1975, стр. 219, 220.

⁹ Ю. И. Трифонов. Дальнейшие исследования могильников Аргалыкты I и Каратал IV. АО — 1968. М., 1969, стр. 193.

М. МАМБЕТУЛЛАЕВ

РЕЛЬЕФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ВСАДНИКА НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ФЛЯГЕ ИЗ ХУМБУЗ-ТЕПЕ

Во время археологических разведок, проводившихся в 1973 г. сектором археологии Института истории, языка и литературы имени Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР на территории Хорезмской области, в местности Караташ было открыто античное поселение Хумбуз-Тепе, предварительно датируемое IV в. до н. э. — II в. н. э.¹

Памятник находится в северо-восточной части Тапсакинского плато, в 17 км к востоку от г. Хазараспа, на интенсивно размываемом берегу Амударьи. Поселение Хумбуз-Тепе в настоящее время занимает небольшую территорию (4,6 га), причем его большая часть разрушена и смыта водами Амударьи. Ее русло ежегодно передвигается влево, к юго-западу, постепенно разрушая левый берег реки, на котором расположен памятник. Со стороны реки отчетливо прослеживается культурный слой толщиной более 1,5 м. Он насыщен фрагментами керамики, костями, скоплениями отходов керамического производства и остатками выгребных ям. Наблюдаемое в срезях культурного слоя чередование остатков построек с остатками гончарных отвалов свидетельствуют о том, что здесь на протяжении длительного времени развивалось гончарное производство. Территория поселения сплошь покрыта россыпями керамики и керамических шлаков.

При повторном обследовании поселения весной 1974 г. найден фрагмент стенки фляги с рельефным изображением фигуры всадника в пластинчатом доспехе (рис. 1, см. вкл. к стр. 128). Глиняное тесто, из которого изготовлена фляга, хорошего обжига с примесями отошителя. На ружная и частично внутренняя поверхности покрыты темно-красным ангобом. Длина фрагмента 12, ширина 9, толщина стенок 0,8—1,2 см.

¹ М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов. Археологические работы в Хорезмской области. АО — 1973. М., 1974, стр. 483.

Изображение оттиснуто в форме и сохранилось частично. Конь с всадником обращен влево. От всадника сохранилось изображение нижней части туловища и частично ноги, от коня — брюхо, круп и задние ноги (без копыт) Хвост поднят и подвязан. Фигура всадника представлена в пластинчатом доспехе, достигающем до колен. Ноги ниже колен покрыты длинными поперечными пластинками. Можно полагать, что такими же пластинками были защищены и руки от предплечья до кистей, что должно было обеспечивать всаднику большую подвижность.

Корпус коня защищен двумя панцирными попонами. Панцирь под всадником состоит из четырех-пяти рядов пластин, а панцирь, закрывающий круп коня, — из трех рядов, но более крупных размеров. От попоны отходят подхвостные ремни. Панцирь покрывает только бока и круп коня, не спускаясь к ногам. Вероятно, броней покрывалась также грудь коня. Лошадь в пластинчатом панцире такой формы более подвижна, чем в панцире, покрывающем ее с головы до ног, известном нам по изображениям из Дура-Европос².

О применении массагетами панцирей для защиты лошадей сообщает Геродот. Он отмечает, что и коням они надевают медные панцири, как нагрудники³.

Конь изображен стройным, с длинным мощным корпусом. Тонкие стройные ноги его превосходно моделированы. Вероятно этот конь той же породы, что и изображенные на оттисках каменных печатей и на рельефе фляги IV—III вв. до н. э., найденных в Кой-Крылган-Кале⁴, Джанбас-Кале⁵ и Беркут-Кале⁶. В древности кони, могущие нести тяжело-вооруженного всадника и конский доспех, высоко ценились и могли принадлежать местной знати⁷, основному ядру катафрактариев.

На левом боку всадника изображено копьё. Очевидно, всадник в походном положении мог держать копьё левой рукой. Возможно, что оно прикреплялось к седлу ремнем. На ассирийских рельефах IX—VIII вв. до н. э. конные и пешие воины также держат копьё с левой стороны⁸. Изображение всадника с копьём на левом боку встречается на древне-хорезмийских монетах.

Среди оружия ближнего боя легковооруженной и тяжелой конницы в степях Евразии основное место занимают длинные копья. Античные авторы сообщают, что в VI в. до н. э. копьё имело широкое распространение у массагетов, которых так и называли копьеносцами⁹. Не затрагивая вопроса о времени появления копья у хорезмийцев (что требует особого изучения), отметим, что в IV—III вв. до н. э. копьё служило одним из основных видов наступательного оружия хорезмийской конницы. Об этом свидетельствуют рельефы на хорезмийских печатях и флягах IV—III вв. до н. э., найденные на Кой-Крылган-Кале¹⁰ и Джанбас-Кале¹¹.

Позади всадника на уровне пояса сохранилось рельефное изображение какого-то предмета, поверхность которого сильно стерта. Поэтому назначение его определить трудно.

² А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 164, табл. 29, 4.

³ Геродот. История в девяти книгах (перевод и примечания Г. А. Стратановского). Л., 1972, стр. 79.

⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХАЭЭ, II, 1958, стр. 176, рис. 72, 2.

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 82, 1.

⁶ Там же, табл. 83, 1.

⁷ В. И. Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966, стр. 138.

⁸ R. D. Barnett. Assyrische Palastreliefs. Prag (без года) Taf. 100, 120, 131.

⁹ Б. А. Литвинский и И. В. Пьянков. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. ВДИ, 1966, 3, стр. 40.

¹⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 176, рис. 72, 2.

¹¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 82, 1; 83, 1.

Парадные фляги, найденные на памятниках Хорезма и украшенные различными рельефными изображениями, датируются исследователями IV—III вв. до н. э.¹² Близкие по форме и по стилю изображения известны на обломках фляги с Кой-Крылган-Калы (IV—III вв. до н. э.)¹³ Однако, на ней легковооруженный всадник с копьем наперевес изображен скачущим вправо. Анализируемый фрагмент принадлежит к типу парадных фляг и датируется этим же временем.

Пластинчатый оборонительный доспех был известен уже в IX—VIII вв. до н. э. в Ассирии¹⁴. Судя по иконографическим материалам, уже в IV в. здесь проводились и первые опыты введения конского защитного доспеха (на некоторых изображениях вся верхняя часть, грудь и частично шея лошади защищены кожаным покрытием), однако дальнейшего развития конский доспех не получил¹⁵.

В VI в. до н. э. у скифов появляется тяжеловооруженная конница. Е. В. Черненко связывает появление панциря у скифов с их походами в Переднюю Азию, когда они ознакомились с панцирями урартов, ассирийцев и мидийцев¹⁶. В изображении конского нагрудного панциря на золотой пластинке из скифского Гермесова кургана (IV в. до н. э.). М. В. Горелик склонен видеть непосредственного предшественника катафрактариев¹⁷.

Остатки железного комбинированного панциря найдены при раскопках круглого погребального здания на Чирик-Рабате (IV—III в. до н. э.). Он представлял собой сочетание чешуйчатого и пластинчатого доспехов¹⁸.

Археологических данных о существовании катафрактариев в Бактрии и Парфии ранее I в. до н. э.—I в. н. э. не известно¹⁹. Катафрактарии, представленные на граффити из Дура-Европос, датируются II—III вв. н. э.²⁰ Появление катафрактариев у сарматов относится к I в. до н. э.—I в. н. э.²¹ Они были защищены чешуйчатыми панцирями из костяных или железных пластинок. Такой же чешуйчатой броней покрывались и их кони²². Конский доспех у сарматских катафрактариев получил меньшее распространение, чем в Иране. Объясняется это специфическими условиями кочевой жизни, требовавшей большей подвижности и маневренности даже от тяжеловооруженной конницы²³.

Изображения воинов-катафрактариев на фресках боспорских склепов датируются I в. н. э.²⁴ По мнению исследователей, эти доспехи проникли на Боспор от сарматов²⁵.

¹² М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, IV, 1959, стр. 105.

¹³ М. Г. Воробьева. Памятники искусства. Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки. Сб. Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э. ТХАЭЭ, V, 1967, стр. 203, рис. 75, 6.

¹⁴ R. D. Barnett. Assyrische Palastreliefs, Prag (без года). Taf. 118—122, 131, 147, S. 149, 158—162, 169, 172.

¹⁵ Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, стр. 130.

¹⁶ Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 143.

¹⁷ М. В. Горелик. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Гермесова кургана. СА, 1971, 3, стр. 245.

¹⁸ С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 148, рис. 82, а, б.

¹⁹ Г. А. Пузаченкова. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства. ВДИ, 1966, 2, стр. 42, 43.

²⁰ А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 86.

²¹ А. М. Хазанов. Характерные черты сарматского военного искусства. СА, 1970, 2, стр. 58.

²² М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 129.

²³ А. М. Хазанов. Характерные черты..., стр. 87.

²⁴ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914; стр. 334; Ю. М. Десятчиков. Катафрактарий на надгробии Афения. СА, 1972, 4, стр. 71, рис. 2.

²⁵ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись..., стр. 334; А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов, стр. 86; Ю. М. Десятчиков. Ук. соч., стр. 71.

²⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 219.

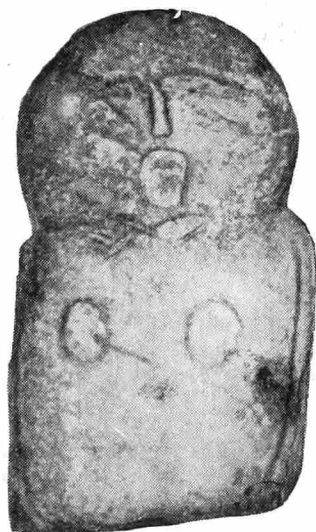
Таким образом, хорезмийский всадник на защищенном коне, представленный на анализируемом рельефе, является, по видимому, самым ранним из известных нам подобных изображений. Однако из-за незначительного количества данных пока воздержимся от установления места появления подобных конских доспехов. Тем не менее анализируемое изображение на фляге и фрагменты железного пластинчатого доспеха из Чирик-Рабата позволяют предположить, что Хорезм был одним из мест, где зародился конский доспех ²⁶.

С. И. ТАТАРИНОВ

НОВОЕ КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

В 1969 г. в Артемовский городской музей краеведения была доставлена не известная исследователям каменная статуя (рисунок). Она происходит из с. Звановка Артемовского р-на Донецкой обл., где изваяние много лет лежало во дворе школы. По словам старожилов, статуя была выкопана в поле на правом берегу р. Бахмут в пределах современного села. Осмотр указанного места находки не дает оснований для привязки находки к какому-нибудь археологическому объекту.

Статуя изготовлена из очень прочного мелкозернистого красного песчаника. Месторождения такого песчаника известны в бассейне р. Бахмут. Высота изваяния 78, ширина туловища 38 см. Голова слабо выделена, лицо плоско-вогнутое. Нос и брови даны в низком рельефе, круглыми углублениями диаметром 2 см обозначены глаза, рот обрамлен висячими усами, переходящими в клиновидную бородку. На шее следы орнамента в виде двойной зигзагообразной линии. По бокам туловища вертикальными линиями показаны руки. На груди хорошо прослеживаются выпуклые овалы, несколько вытянутые по вертикальной оси, размером 7,5×5,5 см, которые можно трактовать как женские груди. Тыльная сторона и торец статуи не обработаны, покрыты коркой известкования и пятнами выветривания. Обработаны только лицевая сторона и боковые грани.

Статуя из с. Звановки имеет некоторое сходство со скифскими изваяниями из Собиоара (Румыния) и Херсона ¹. Два новых изваяния, подобных описываемому, найдены Т. А. Шаповаловым и хранятся в музее Донецкого университета. Представляется возможным предположительно отнести публикуемую статую к скифскому времени.

Обобщенный характер изображения, по-видимому, исключает в рассматриваемом изваянии наличие индивидуальных черт. Сочетание признаков обоих полов можно рассматривать как отражение своеобразного представления о предке-прародителе.

Публикуемое изваяние расширяет представления об искусстве и религиозных воззрениях древнего населения на территории Донецкой области ².

¹ П. Н. Шульц. Скифские изваяния Причерноморья. Сб. «Античное общество». М., 1967, рис. 3, 4.

² Помимо публикуемого изваяния и двух найденных Т. А. Шаповаловым, известно еще одно: А. К. Татай. Скифська статуя з с. Ольховік Донецької області. Археологія. 1964, XVII, стор. 205, 206.

ЎЗБЕКСТАН ССР
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСИ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ
ХАБАРШЫСЫ

ЖИГИРМАЛАНШЫ ЖЫЛ БАСЫЛЫҰЫ

ВЕСТНИК
КАРАКАЛПАКСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЫЙ

№ 1 (75)

1979

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ
НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

с контингентом 4996 учащихся, в том числе 1065 девочек, 3 школы-семилетки и 6 школ крестьянской молодежи, в которых занималось более 660 учеников.²⁰ Только за один год средняя наполняемость школ 1-й ступени поднялась с 34,5 учеников в 1927—1928 учебном году до 45 учеников в 1929—1930 учебном году. В области в эту пору проводилась широкая подготовительная работа для введения всеобщего начального образования.

Религиозные же школы в Хорезме окончательно зачахли, совсем лишившись учащихся и потеряв всякий авторитет у населения. В 1929г. они прекратили свое существование. Тем самым было окончательно устранено одно из препятствий на пути дальнейшего развития советской школы и повышения культурного уровня широких народных масс.

Summary

Activity of religious schools in Choresmian People's Soviet Republic (beginning with 1925 it became a Choresmian region) which continued training children after the revolution came true is traced in the article, it is told about a final fall of their authority in population and reduction of a number of pupils. In the result of all this and under the pressure of a developing Soviet system of training and instruction religious schools in the region in 1929 stopped their existence.

²⁰ Там же, ф. 188, оп.1, д. 77, л. 72.

М. МАМБЕТУЛЛАЕВ

ХУМ С ГОРОДИЩА БОЛЬШАЯ АЙБУЙИР-КАЛА С ДРЕВНЕЙШЕЙ НАДПИСЬЮ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1976 г. проводились раскопки городища Большая Айбуйир-кала с целью уточнения хронологии памятника.¹ В нижних слоях первого строительного горизонта в помещении №6 обнаружены три большие хума, служившие для хранения жидкости или сыпучих продуктов. Высота хумов около метра. Днища их были заглублены в материковый щебнистый желтый песок. Между хумами обнаружены отпечатки зерен проса и просяная шелуха. По форме все хумы ранние, с хорошо выраженными валиками вокруг шейки. Два хума имеют росписи в виде спиралей.

На плечике хума №1 обнаружен знак, сочетающий в себе части круга и прямой линии. На плечике хума №2 имеется знак Т-образной формы и прорезная надпись.

Хум с подобной надписью найден в Хорезме впервые, поэтому он заслуживает подробного описания. Высота хума 1 м, внутренний диаметр устья—38 см, наибольший диаметр корпуса—75 см, два—44 см. Дно плоское, лишь слегка скругленное к краям. Толщина стенок —1,5—2 см. Глиняное тесто хорошо отмучено, примесь толченого гипса заметна в виде мелких комочков. Обжиг ровный, черепок яркого красно-кирпичного цвета. Сосуд сформован на круге медленного вращения кусками, которые пригнаны друг к другу неровно. В итоге в местах их соединения получались вдавления или портящие форму выпуклости. Наружная поверхность покрыта светлым ангобом, поверх которого на-

¹ М. Мамбетуллаев, Ю. П. Манылов, Н. Юсупов, О. Юсупов. Исследования городища Большая Айбуйир-кала, Сб. „Археологические открытия 1976 года“. М., изд-во „Наука“, 1977, стр. 533.

носились роспись красной краской в виде вертикальной широкой полосы, идущей от валика до середины сосуда. Ширина полосы 14 см. На тулове сохранилась характерная для архаической посуды горизонтальная рубчатость.

Описанная посуда по пропорциям и общей форме восходит к хумам V в. до н.э., обнаруженным на архаическом поселении Дингильдже.² Подобные сосуды найдены в нижних слоях городища Хазарасп, относящихся к рубежам V—IV вв. до н.э.³ Описанная посуда по аналогии датируется концом V—IV вв. до н.э.

Прорезную надпись на стене хума №2 В. А. Лившиц⁴ определяет как ахеменидско-арамейскую и как собственно хорезмийскую (как известно хорезмийское письмо возникло на основе арамейского алфавита, употреблявшегося в ахеменидском Иране).

Надпись в принятой в иранистике латинской транслитерации выглядит так: $\text{mrys}^{\vee} (\text{mry}) \text{X I h III III III}$, т.е.: „11 мари 9 х“. Это — обозначения вместимости хума. Мера объема $\text{mari}^{\vee}$ хорошо известна в Иране уже с раннеахеменидского времени. Античные источники называют ее maris . В эламских табличках из Персеполя (конец VI—V вв. до н.э.)

она выступает как $\text{marris}^{\vee}$. Эта мера объема десятки раз представлена в хозяйственных документах из Нисы I в. до н.э., где в mry определяется объем хранящегося в хумах вина.⁵

Величина мари в разных источниках варьирует очень сильно. Расчеты для Нисы (реконструкции хумов и сравнение их объемов) показывают, что 1 мари в Парфии I в. до н.э. равнялось около 10 литров. Исследователи эламских документов из Персеполя определяют величину мари в 9,7 л. 1 мари в ахеменидском Иране равнялся 5 л. В некоторых греческих источниках говорится, что 1 марис (мари) содержит лишь 1,644 л. В Библии (и, вероятно, в ахеменидской Вавилонии) ма-

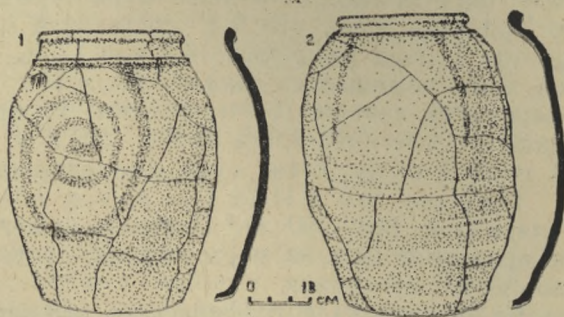

Рис. 1. Обозначения: 1—хум со знаком, сочетающим в себе части круга и прямой линии, 2—хум с надписью.

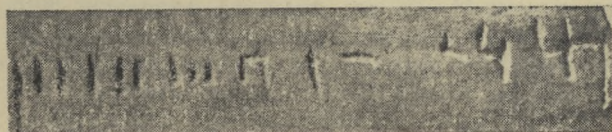

Рис. 2. Надпись на хуме №2.

² М. Г. Воробьева. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. М., изд-во „Наука“, 1973, стр. 124, рис. 36,3.

³ М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. Материалы Хорезмской экспедиции, вып.6. М., изд-во АН СССР, 1963, стр. 178, рис. 12, 1, 2.

⁴ Автор пользуется случаем выразить благодарность В. А. Лившицу в связи с прочтением надписи.

⁵ И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц. Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н.э. (образцы документов). „Вестник древней истории“, 1960, №2, стр. 17—38.

рис. выступает как мера, равная по объему 30 л воды, вес которой составляет легкий царский талант.⁶

Мы можем предполагать, что в Хорезме на рубеже V—IV вв. до н.э. величина мари отличалась от ахеменидского Ирана (559—330 гг. н. э.) и аршакидской Парфии (248 г. до н. э.—227 г. н. э.) и, вероятно, равнялась 16,5 или 17 л. В таком случае емкость нашего хума равна более 185,5 л. Какую-то долю мари скрывает сокращение h (русское X). При этом ясно, что 9 h составляли меньше 1 мари. Поскольку в Хорезме 1 мари равнялось 16,5 или 17 h, то можно считать, что в нашем хуме помещалось около 200 л (11 мари=185,5 л и еще около 1 мари чуть меньше 16,5 л, скажем, 15 или 14). После реконструкции в нашем хуме вместились более 195,5 л жидкости. Отсюда надпись "11 мари 9 х" на стене хума соответствует емкости сосуда.

Известно, что в Нисе I в. до н.э. объем хумов равнялся от 14 до 25 мари (т.е. 140—250 л).⁷ Ценность нашей находки состоит в том, что она проливает свет на меры объема, существовавшие в Хорезме на рубеже V—IV вв. до н.э.

На основе палеографического чтения надписи В. А. Лившиц датирует ее III в. до н.э. Для хорезмийского языка, относящегося к малоизученным, палеографическая шкала во многом не ясна, так как мало опорных точек для абсолютных датировок. Поэтому археологические данные расходятся с лингвистическими.

До сих пор древнейшим образцом письменности на территории древнего Хорезма считалась надпись на фрагменте сосуда, найденном на городище Койкрылган-кала. Эта выполненная письмом арамейского происхождения надпись была датирована III—II вв. до н.э.⁸ Дальнейшее развитие хорезмийской письменности засвидетельствовано текстами конца III—IV вв. н.э., открытыми при раскопках дворца Хорезмшахов в Топрак-кале и опубликованными С. П. Толстовым.⁹

Теперь надпись на стене хума с городища Большая Айбуйир-кала (конец V—IV вв. до н.э.) является древнейшим из известных нам памятников древнехорезмийской письменности и старейшей надписью арамейского письма для всей территории Средней Азии.

Summary

Ancient choresmian inscription on a wall of the hoom found in the layers of the V—IVth centuries B.C. on the site ancient town Bolshaya Aibujir-kala situated at the foot of plato Usturt is analysed in the article. The find is the most ancient monument of those of the Choresmian written languages known before. Analysis gave an opportunity to obtain data on measure of volume in the state of Choresmshahs.

Резюме

Макалада Устурт етегинде бизин эрамызга шекемги V—IV эсирлердеги Улкен Айбуйир каладан табылган хумдагы эйиемги Хорезм жазууы анализ етилген. Бул усы уакытка шекемги белгили болган естеликлер арасындагы ең эйиемгиси болып табылады. Анализ Хор эмшахлары мамлекетинде көлем өлшеми тууралы мағлыұматлар алыұға мүмкиншилик береді.

⁶ Талант—наиболее крупная весовая и ден.-счетная единица в древней Греции, Вавилоне, Персии и других областях Малой Азии.

⁷ И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Указ. соч., стр. 28—38.

⁸ В. А. Лившиц. Иранские языки народов Средней Азии. Серия "Народы мира", Народы Средней Азии и Казахстана, т. I. М., изд-во АН СССР, 1962, стр. 138.

⁹ В. А. Лившиц. Там же.

ЎЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСИ ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСИ ҚАРАҚАЛПАҚСТАН БӨЛИМИНИН ХАБАРШЫСИ

ЖУРНАЛ 1960 ЖЫЛДАН БАСЛАП ШЫҒЫП АТЫР
ЖЫЛЫНА 4 ИРЕТ БАСЫЛАДЫ

ВЕСТНИК

КАРАКАЛПАКСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1960 ГОДА

№ 4 (142)

1995

ККОАН РУ

ДИОНИСИЙСКИЙ СЮЖЕТ НА
ДРЕВНЕХОРЕЗМИЙСКОМ СОСУДЕ

Античная керамика Хорезма в изобилии получена при раскопах городищ, поселений и могильников. Она — продукт высокоразвитого городского ремесла. Как правило эта керамика изготовлена на гончарном круге и отмечена высоким качеством технологии: тонкостенна, легка, прочна. Особую группу составляют дорожные фляги — мустахора IV-III вв до н. э., на которых оттискивались орнаментальные мотивы и целые сцены. К этой серии сосудов относится керамическая фляга найденная в 1984 г. на поселении Хумбузтепе, расположенном в 17 км к востоку от Хазараспа. Фрагмент сосуда невелик полностью отиснутая сцена не сохранилась, но тем не менее, сохранившиеся элементы изображения сведены в рисунок, который позволяет

представить композицию в целом (рис.1.).

Изображения располагались на уплощенной стороне сосуда и были вписаны в круг диаметром 34,5 см. Орнаментальное поле разделено рельефно выполненными концентрическими окружностями на 3 зоны. В центральной, ограниченной внутренней окружностью, помещен небольшой выпуклый кружок, от которого расходятся 5 лучей. 2-я зона, ограниченная средней окружностью, передает сцены главного действия. Здесь изображен человек в маске, который стремится догнать стремительно убегающее жертвенное животное (козла?). Правая нога его прямая, чуть согнутая в колене, левая отведена согнутым коленом назад. Создается впечатление, что он бежит на деревянных ногах. По—види-

тому, здесь представлен скоморох на ходулях. Левая рука согнута в локте, правая вытянута вперед, а рукава спущены вниз. В обоих случаях пальцы на руках неразличимы возможно, кисти рук не видны из-за длинных рукавов. Широкие складчатые штаны доходят до колен, бедра подвязаны поясом. На него надета козлиная маска с длинной бородой и саблевидными рогами, выпуклые глаза — миндалевидных очертаний. В рельефах фигуры очень динамично и четко прослеживается движение рук и ног. Перед козлиной головой человека сохранилось изображение задней «копачей» лапы (ноги), стремительно убегающего животного. Позади человека видно дерево, почки которого переданы в виде равнобедренного треугольника. Справа от дерева сохранилась передняя нога второго убегающего животного. Под брюхом животных помещен Н образный рельефный знак. На внешней зоне его размещены треугольные орнаменты, сверху которых имеются круглые налеты.

Таким образом создается впечатление, что козлиноголового божество стремится догнать убегающих от него жертвенных животных и одновременно выполняет ритуальный танец между плодоносящими деревьями. Все процессы совершают вокруг пятилучевой звезды с рельефным кольцом. Элементы орнамента — пять расходящихся лучей в центре звезды, деревья, — по всей видимости, символы плодоносящих сил природы; именно так эти понятия очень часто передавались в памятниках искусства на Востоке. В Ригвиде (У., 78) мировое дерево сопоставляется с рожаящей женщиной, а из текста X, 14, 3 следует, что мировое дерево — опора солнца — служит воплощением женщины — богини матери. Культ деревьев проявляется в том, что ветви плодового дерева считались источником силы, дарующей плодородие.

Изображение деревьев часто встречается на каменных печатях и амулетах древнего Востока. Так, на глиняных, фаянсовых и медных амулетах из Махенджо — Даро изображены деревья, причем тех пород, которые и поныне считаются в Индии священными (Маккей, 1957, с. 67-80). В культе деревьев также отразилось почитание сил природы. По древ-

неегипетской мифологии, деревья являлись символами воскресения, считалось, что в сикоморе или пальме, растущим в загробном мире, живет богиня (Нут или Хатор), которая дает умершему питье (Матье, 1956, с. 155). Изображение дерева встречается и на каменных изделиях и на украшениях сосудов, печатях, найденных на памятниках Хорезма (Кой-крылганкала, 1967, рис. 75, 1, 3). Фрагмент аналогичной фляги с такой же композицией обнаружен в Джанбаскале (Толстов, 1948, табл. 32). Человеческое туловище, линия между козлиной головой и шеей, правильный стиль бега наводят на мысль, что здесь дано изображение не зооморфного божества, а участника оргиастического маскарада. Этот сюжет имеется в металле, найденном у поселка Верхне-Березовское в Прикамье (Даркевич, 1976, с. 107, рис. 14). Наличие масок козлов на этих изображениях указывает на дионисийский характер сюжетов.

В греческой мифологии Диониса представляли в виде различных животных, в том числе в виде козла — древнего хтонического демона. Впоследствии козел стал жертвенным животным и атрибутом антропоморфного бога (Даркевич, 1976, с. 113). Принимал Дионис и облик козла, одним из его прозвищ было «козленок» (Фрэзер, 1980, с. 433). В Афинах в аргонидском городе Гермигоне существовал культ Диониса, «носящего шкуру черного козла». Бытовало предание, что этим наименованием бог обязан тому, что предстал однажды в подобной шкуре. Чтобы спасти мальчика Диониса от гнева Геры, Зевс превратил его в козленка, а когда от гнева Трифона боги бежали в Египет, Дионис превратился в козла. Разрывая на куски козла и поедая его мясо в сыром виде, участники культа испытывали, должно быть, такое чувство, что питаются мясом и кровью бога (Фрэзер, 1980, с. 433-434). Обычай умертвлять бога в лице животного возник в очень ранней стадии человеческой культуры. Священное животное, как правило, не трогали, как сообщают мифы, в случае, когда животное оказывало услугу божеству, а убивали его лишь в исключительных случаях, за обиду, нанесенную богу животных (Фрэзер, 1980, с. 434).

тегина и Дарваза. вып—2, Душанбе, девушки надевали козы шкуры. Во время игрищ, связанных с аграрной магией, поклонники Диониса рядились козловидными сатирами — демоническими спутниками бога. В его честь икарийские виноделы плясали вокруг козла (Иванов, 1923, с. 107).

По сообщению Аристотеля, греческая трагедия и комедия возникли как импровизация при исполнении хоровых песнопений в честь Диониса. Само слово «трагедия» происходит от двух греческих слов: «трагос» — «козел» и «оде» — «песнь» и означает в прямом смысле «песнь козлов» (Головня, 1955, с. 27-28; Гоян, 1952, с. 401).

Несомненно, у хорезмийцев с древних времен существовал культ Диониса, связанный с земледельческим циклом работ. Праздник приходился на день празднования Навруза — весной (21-22 марта, в день весеннего равноденствия). Ритуал этого праздника широко распространен по всей Средней Азии. Это целый ряд обрядов и обычаев, связанных с проведением первой в сезоне борозды на поле. К традиционным новогодним развлечениям относятся и различные виды состязаний — бой петухов (хураз уруштириш), бой баранов (кучкар уруштириш), борьба (кураш). На базарах выступали танцоры, острошловы (масхоровоз), на площадях устраивались качели (эткенчак). В этих состязаниях, по определению С. П. Толстова, отражались следы одного из древнейших и универсальных институтов первобытного общества — дуальной организации, деления общества на два племени или фракции. По состязаниям определялось, урожайным или неурожайным будет год (Толстов, 1948, с. 282-284).

Итак, все этапы празднования навруза в Хорезме имели непосредственное отношение к сельскохозяйственному труду и приемам культовой магии, которая была направлена на увеличение плодородия и богатства.

В домусульманской Средней Азии существовал культ бога виноградарства и виноделия, подобный культу древнегре-

ческого Диониса. Голова глиняной скульптуры, изображающей бородатого мужчину с ушами животного (козла) была найдена в дворцовом комплексе Топрак-калы. Особенности упомянутой скульптуры и барельефных изображений, частично сохранившихся на стенах помещения, в котором они были найдены, позволили назвать его «залом танцующих масок». В публикации об этом зале С. П. Толстов предполагает, что он был посвящен какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера (Толстов, 1958, с. 203). Некоторые исследователи, присоединяясь к мнению С. П. Толстова, связывают изображенные ритуальные действия с сакскими, вакхическими праздниками (Топрак—кала, 1984, с. 84). В окрестностях Джанбас — калы найдены терракотовая статуэтка мужчины с кистью винограда в руке, вероятно, бога — покровителя виноделия Диониса. Обнаружена также мраморная фигурка козла в верхнем полу помещения Джанбас — калы (Гертман, 1982, с. 453). Головы сатиров с козлиными ушами найдены среди скульптур Халчаяна (Пугаченкова, 1971 с. 35). Козлы были изображены и на ритонах из Нисы (II в. до н. э.).

Козел, популярный образ народных легенд и поверий — фигурирует как чистое благое (халол) животное вместе с другим, распространенным в домашнем хозяйстве животным, бараном — производителем (кучкар), связывался обычно с функциями отвратителя зла (Пещерова, 1959, с. 97—100). О живучести этого образа в народном искусстве свидетельствуют его изображения в современных демокративных вышивках населения Средней Азии и часто встречающиеся нагромождения рогов жертвенных (козлов) на многих мазарах Хорезма, в частности, в Нарынджон-баба, Султан-баба. В Хорезме бараньи рога можно увидеть изображенными над окнами и дверями домов, а также над отверстиями печей для выпечки хлеба (тамдыр). Их изображения можно увидеть также на одежде, главным образом женской, причем и здесь они носят функцию оберега. Еще недавно в Хорезме на весеннем новогоднем празднике Навруз

люди танцевали с наброшенной на плечи шкурой и укрепленными на голове рогами дикого козла. Позднее на аграрных праздниках в Средней Азии распространилась игра козлодрание (кок бар).

Известно, что в древних верованиях различных народов козел играл отрицательную роль. Евангельское изречение: «отделить овец от козлищ» — означает отделение праведников от грешников. У древних евреев был особый обряд возложения грехов на козла, отсюда и выражение «козел отпущения». В прошлом в различных церемониях на Кольском полуострове принимали участие обнаженные мужчины с оленьими рогами на

головах, имитировавшие Мяндаша-человека-оленья — божества плодородия и родоначалия (Чарнолуский, 1966, с. 301). У народов Средней Азии козел был священным животным. В козлиноголовом божестве с рогатой короной С. П. Толстов видит образ Сиявуша. В праздничной обрядности ряженный козлом выступал в роли самого божества. Жрецу носили личины божеств, которым они служили.

Таким образом, в Хорезме в древности существовали аграрные праздники, типологически во многом напоминающие древнегреческий цикл праздников в честь Диониса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гертман А. Н. Работы на Джанбаскале. Археологические открытия 1981 года. — М., 1982.

Головня В. В. Аристофан. — М. 1955.

Гоян Г. 200 лет армянскому театру — Т. 2. — М., 1952.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока УШ—ХШ вв. — М., 1976.

Иванов В. Дионис и праднионисство. — Баку. 1923.

Кой-кылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. — М., 1976.

Матъе М. Э. Древнеегипетские мифы. М. — Л., 1956.

Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. — М., 1957.

Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. — М. — Л. 1959.

Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. — Ташкент., 1971.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. — М., 1948.

Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. Т. 2. М., 1958.

Топрак-кала. Дворец. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции — Т. 14. — М. 1984.

Чарнолуский В. В. О культе Мяндаша. — Скандинавский сборник. — Т. XI. — Таллин., 1966.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М., 1980.